

НАША СТРАНА

Год издания 75-й. Буэнос Айрес, 19 августа 2023

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 19 de agosto de 2023

No 3204

Протоиерей Герман Иванов-Тринадцатый

Читая генерала Н. Н. Головина

Имя генерал-лейтенанта Николая Николаевича Головина широко известно среди читающей публики, интересующейся военным делом. Воспитанник Пажеского Корпуса, он провёл блестящую военную карьеру параллельно с академической. В России был профессором Николаевской Академии Генерального Штаба, а в Эмиграции, поселившись во Франции, основал и возглавил в 1927 году в Париже «Высшие военно-научные курсы», привлекая, не без основания, пристальное внимание советских спецслужб. Одновременно с этими курсами для русских офицеров и будущих офицеров, преподавал во многих иностранных учреждениях, где всюду выступал как признанный авторитет.

Во французской Военной Академии преподавал историю Первой Мировой Войны, был в течение пятнадцати лет постоянным представителем в Париже Губернской Военной Библиотеки, читал циклы лекций по истории Первой Мировой Войны в Вашингтоне и в Калифорнии, в прославленном Стэнфордском Университете.

Генерал Н. Н. Головин оставил после себя впечатляющее количество научных работ, среди которых следует особо выделить «Мысли об устройстве будущей российской вооружённой силы: Общие основания» и целый ряд фундаментальных трудов, посвящённых анализу Первой Мировой и Русской Гражданской войн.

В этих нескольких строках можно уже видеть какого масштаба учёным был Николай Николаевич, из чего вытекает вопрос — позволительно ли простому обывателю не соглашаться, критиковать такую величину? А вопрос этот возник у нас при чтении обширного его двухтомного труда, из пяти частей, «Русская Контрреволюция в 1917-1918 годах».

С первых же страниц почувствовался некий однобокий дух: Монархия, как устаревшая, отжившая система, не пытавшаяся даже защитить

себя, бесславно пала и никто, естественно, о ней не жалел и не подумывал за неё заступиться. Так, спокойно переворачивается в книге трёхсотлетняя, а то и без малого тысячелетняя, история России и переходим к кипучей деятельности «новой России», очищенной от «ретроградских самодержавных следов», и ко всяким рассказам как, на подобие гоголевской повести, перессорились Керенский с Корниловым и другие перипетии этих сумбурных месяцев.

Всё это несомненно важные события для читателя, увлекающегося историей, но в нас всё больше кипело чувство недоумения и даже негодования, видя с каким пониманием и сожалением объясняется провал воистину бездарного Временного Правительства, какая готовность понять, объяснить его неудачи исключительно трудным положением, как и тем, что народ, мол, не доспел, не созрел, — тогда как провал Царской власти сам собой объясняется своей некомпетентностью и отживчивостью и повальным неприятием со стороны народа.

Возможно, что это мы имеем однобокое видение труда уважаемого генерала, но, говоря правду, предстаёт он нам настоящим февралистом, что для нас трудное сочетается с чувством непрекращаемого авторитета, который мы о нём имели. Поэтому решили поделиться этими мыслями с весьма авторитетным для нас человеком и спросили — позволительно ли критиковать, не соглашаться с его выводами? Ответ пришёл немедленно: «Конечно — позволительно. Более того — обязательно! Нельзя безнаказанно пропускать ни малейшую ложь о Государе!». Лжи, как таковой, мы в книге не находим, зато, как выше сказано, постоянный уклон в сторону симпатии к февралистам, благосклонное отношение к их целям, вместе с пренебрежением и игнорированием настоящих причин, приведших Государя к отречению от Российского Престола.

Так, например, на странице 14 пишется, что Государь отрекается, не сделав серьёзных попыток против взбунтовавшихся. Какая подлость писать такое! Ниже мы вернёмся к этому обвинению. Затем, Царская власть пала, говорится, из-за неспособности правительства, которое не было в состоянии защитить Государя. И обвинение продолжается: спрашивается — а, кто выбирал министров?! Выходит, значит, — Он сам виноват! Однако, на самом деле всем известно, что Государь был вынужден отречься совсем по другой причине — когда убедился в предательстве высшего генералитета. Это единственный веский повод, побудивший Его на это страшное решение.

Да, не было больше рядом с Ним такого государственного мужа, как Пётр Аркадьевич Столыпин, но безапелляционно клеймя царское окружение, генерал Головин почему-то менее строг относительно творцов переворота и «светил» Временного Правительства, чья бездарность заслуживала бы быть подчёркнутой. К тому же полностью игнорируются темные силы, сыгравшие далеко не последнюю роль в событиях последних дней Царского режима.

На странице 17, автор упоминает случай Вел. Кн. Кирилла, явившегося 1/14 марта с командой Гвардейского Экипажа в Думу. Это факт, с которым никто не будет спорить и на который сам Кирилл Владимирович давал объяснения, но какими бы они ни были, это безусловно не самая похвальная страница в его биографии. Однако большая ли тут разница с поведением Корнилова, Алексея и пр., которых Головин ничуть не критикует, а наоборот постоянно выдвигает в пример?

На странице 18, посол Великобритании Бьюкенен надменно говорит о бездарности русского командования, которое должно было оставить отряд дисциплинированных войск в столице. На этот упрек можно было автору отметить, что лучшие войска были направлены на фронт в угоду союзнических обязательств, а во вторых, личным распоряжением Государя был отправлен полк вернейшего генерала Иванова для усмирения бунта, но полк был остановлен по пути в столицу распоряжениями всё тех же комплотистов, с которыми, как известно, Бьюкенен — уполномоченный представитель союзного Государства! — вёл конспирационные тайные встречи вплоть до самых последних дней до роковых февральских событий. Как-то не совсем серьёзно выглядит ссылаться в данной обстановке на мнение такого нерукопожатного человека.

На странице 19, с одной стороны Головин упоминает, что власть Государя имела своё происхождение «Божией милостью», из чего вытекает, что нельзя было от неё отречься, разве что идти против воли Самого Бога, ибо, пишет Головин, «защита своей Царской власти является священным долгом самого Монарха» а, через страницу, выдвигает он, как одну из причин развала, то, что во второй половине 1916 года Государь именно стал укреплять Самодержавие, и будто только этим объясняется быстрота развала Царского режима. Так — одно из двух, а не оба вместе! Если грешно отречься от Богоданной власти, то казалось бы нельзя упрекать Государя в том, что в связи с тревожными событиями стал Он укреплять эту самую

власть, утверждая Самодержавие.

На страницах 22-26 говорится о том, что в Армии и в народе распускаются гнусные слухи об измене «наверху», Государыня обвиняется в сочувствии немцам, ведутся недостойные сплетни об её измене и «даже» (!), пишет Головин, с высоты Думской трибуны звучит обвинение Милюкова — «Глупость или измена». Автор затем верно пишет, что тщательным расследованием проведённым самой революционной властью, вся эта подлая глупость официально признаётся крутой ложью. Тем не менее преступность выговоренных Милюковым слов, ставших по признанию самого Милюкова сигналом богомерзкой революции, не подвергаются в научном историческом исследовании генерала Головина должной и обоснованной критике, что должно было непременно и окончательно дискредитировать их автора. Не даётся никакой нравственной оценки этому отвратительному по своему обвинению, которое бесследно так и сходит с совести и ответственности её автора, чьи суждения продолжают затем обильно выдаваться, как мнение авторитетного представителя либеральных кругов, будто представляющих чувства большинства массы Белого Движения.

Н. Н. Головин пишет даже с почитательностью об этом гнусном человеке, что был он «не только политиком, но и выдающимся учёным по Истории России».

Всё же странно читать такое под пером уважаемого заслуженного генерала. Он видно либо о них забыл, либо мимо его ушей прошли хотя бы такие слова Милюкова о том, что «лучше проиграть войну, только не Романовы» ...

Затем ген. Головин пишет об отвернувшихся от Царя правых кругах в то время как их прямым долгом было, говорит он, защищать Монарха. Что тут подразумевается под «долгом»? Вряд ли физический долг, а если нравственный, то думаем, что Шульгиным да Пуришкевичем не исчерпывалось всё правосмыслящее мирное население тогдашней России. Но не в этом главное. Нас удивляет, что ни слова, повторяем — ни единого слова, тут не сказано о военных, об Армии, о высшем командовании в прямую обязанность которых, и далеко не только нравственную обязанность, а служебную, гражданскую и в первую очередь офицерскую, вменялась защита Трона и Монарха, составляющих, как известно, единое нерасторжимое целое. Вот уж кому мог и должен был быть направлен упрек и что беспристрастный историк и исследователь, изучающий причины изолированности Государя в эти жуткие дни, должен был выявить в самую первую очередь

и самым выпуклым образом.

Но известно, что эти генералы, те самые генерал-адъютанты, не только не выполнили свой офицерский долг, но лукаво предали Государя вопреки торжественной клятве данной перед Богом на св. Евангелии. Как ни скорбно писать, но эти генералы, возглавившие затем Белое Движение, явились своим поведением ответчиками разрухи России и последующих потоков русской крови. Да, попытались они впоследствии изгладить свой страшный грех, мужественно борясь с красной чумой во главе Белых воинов, но мало кто среди них принёс искреннее покаяние в содеянном первородном грехе.

А тем временем, никто лучше замечательного рыцаря графа генерала от кавалерии Фёдора Артуровича Келлера, именуемого «Первой шашкой России», запечатлевшего верность данной в молодости торжественной присяги «верно и нелицемерно, не щадя живота своего» служить Государю Императору, заплатив потерей своей блестящей карьеры и самой жизнью, мужественно показал, что присяга не иудин поцелуй: «Я христианин, и думаю, что грешно менять присягу», не колеблясь ответил он, когда ему настойчиво предлагали присягнуть Временному Правительству. До сих пор, историография упорно подчёркивает, что нашлось всего лишь два человека, генералы Ф. А. Келлер и Г. Хан Нахичеванский, к тому же оба не русского происхождения и не православные, что всегда особо подчёркивается, оставшихся верными своему Царю и своей присяге. Но это не более, чем дезинформация, вернее сплошная ложь.

Эти два замечательных генерала стали воистину гордостью Русской Армии, как бы знаменем, примерами верности и мужества, порядочности и достоинства, но того же высокого духа было множество генералов и офицеров разного ранга, категорически не принявших эту лукавую революцию, ставшей матерью всех, длившихся по сей день, бед России и русского народа. Многие из этих героев впоследствии стали участниками Белого Движения, несмотря на возглавителей борьбы Белых, в надежде спасти, что ещё могло быть спасено, но до конца жизни не изменяли своих глубоких высоких убеждений. Увы, о них ни слова в исследовательском труде Головина.

Всё же можно видеть маленький намёк, но очень скромный, про Армию, которую поголовно винить в бездействии и безучастии просто не честно. Мы смеем утверждать, что в своей массе она оставалась верной Монарху и монархическому строю. Мы знаем, что сам генерал Деникин писал о том, какое ошеломляющее впечатление произвела в гуще Армии новость об отречении Государя. Генерал Головин пишет более менее в том же духе, но добавляет странную мысль, начинающуюся совершенно верным диагнозом: «Действующими лицами являются только самые высшие её начальники. Все эти высшие начальники чувствуют себя парализованными, потому что считают невозможным призвать действующую Армию к защите рушащегося режима» (стр. 36).

Мы тут недоумеем — не лукавит ли автор? Помимо того, что тут и упоминания о присяге и о безоговорочном долге каждого военного вставать на защиту

Государя нет и намёка, но не лукавством ли веет от будто глубоких раздумий генералов-предателей о возможности или невозможности призвать Армию к защите. Это же ведь её самый первый и святой долг! Не только никаких колебаний у них не было, но всё было сделано, чтобы обойти Армию и держать её в стороне, в неведении, творящегося преступления из боязни, что она встанет как один человек на защиту своего Царя. Надо ли тут напомнить, что, из того же страха, даже Прощальное Обращение уже отрекшегося Государя Своей горячо любимой Армии не было доведено до сведения войск особым распоряжением этих узурпаторов.

Вспомним, как генерал Алексеев сам свидетельствовал, с понятным беспокойством, что в те дни «пахло виселицей». Это позволяет нам думать, что соображения генералов-изменников были совсем не те, что предлагаются Н.Н. Головиным.

Будь позволено сказать, что они поступали в чисто "шкурных интересах", в интересах самих предателей, перехвативших в свои руки все рычаги власти. Очень быстро закрываются разговоры об участии Государя, будто это окончательно отжившая тема, павшая в небытие. Автор не видит и не понимает, **кого** и чего эти безумные заговорщики лишили Россию и тут же затеваются разговоры о трудно осуществимой желательности для России догнать Европу, о переходе от Самодержавия к конституционализму, что требовало бы скорого приобщения к Европейской культуре (стр. 38-44).

Всё это наводит скорбную мысль о том, что генерал Головин фактически ничуть не горюет о судьбе Государя, об исчезновении Исторической России, не видит драму, внесённую бунтом февралистов, а совсем спокойно смотрит на совершившийся переворот и благосклонно наблюдает за его движением, видя в Европе высшую степень развития, к чему Россия должна стремиться. Оттого всё его изложение фактов подкрепляется постоянными ссылками то Деникина, то Милокова, то других либералов, но никогда, или почти никогда, не встречаешь ссылок на здравомыслящего монархиста.

Обсудим теперь выводы, приведённые в заключение первой главы этого труда:

- «Мартовские события представляют собою лишь удавшийся солдатский мятеж» (стр. 44). Мы не согласимся с таким выводом. По нашему это печальнейший результат измены высшего генералитета, а не солдатский мятеж, который легко можно было, при желании, подавить. Но именно этого заговорщики не хотели, что и наглядно показали. По нашему мнению необходимо твердить до конца, и никогда не сходить с этого, что вина случившегося лежит на совести высшего генералитета, изменившего своему долгу и своему Царю. Без этой измены не случилось бы переворота и Россия несомненно вышла бы блестящей победительницей в Мировой Войне.

- «Быстротечность мятежа объясняется чрезвычайно слабостью сопротивления этому мятежу /.../ отсутствие каких-либо противодействующих сил /.../ старый режим был настолько психологически подорван» (ibid.) и т. д. и т. п. За неимением места не передаём полностью эти выводы, но приведенные вы-

держки из заключения первой части, несомненно дают читателю общую неотрадную картину, описывающую бездействие Царской власти в эти крайне ответственные часы истории России. Насильно создаётся впечатление, будто другого выхода не было — режим умер своей смертью и нет уже надобности шевелить его труп.

Попытаемся распутать эту липкую ложь. Скажем с самого начала, что в труде генерала Головина ни одним словом даже не упоминается имя генерала Н. И. Иванова, ни о возложенной на него Самим Царём ответственной миссии немедленно прекратить особо недопустимый в военное время бунт в столице. Со своей стороны святая Государыня-Мученица Александра настаивала на назначение именно генерала Иванова вместо Алексеева на посту Начальника Штаба Верховного Главнокомандующего, которому Она не без оснований, как в последствии стало очевидным, не доверяла. Становится понятным почему такая истерическая кампания велась против Государыни...

Итак, вопреки общепринятому мнению Государь действовал, принимал энергичные решения, которые не удалось Ему воплотить в жизнь только из-за упорного противления окружающих Его "помощников", всё делающих, чтобы провалить здоровые планы Государя.

Не случайно миссию усмирения петроградского бунта Государь поручил заслуженному верному служителю Трона, генералу от артиллерии Николаю Иудовичу Иванову, назначив его командующим Петроградским военным округом. Генерал Иванов был из Ставки послан во главе славного Георгиевского батальона, к которому с фронта должны были примкнуть не затронутые революционным духом верные полки с Северного и Западного фронтов. Всем стало понятно, что дело может решиться очень быстро и успешно и в таком случае вся затея заговорщиков и политиканствующих крикунов провалится.

И тут началась очередная истерика. Так же как генерал Алексеев тревожно запрашивал всех начальников фронтов о будто срочной, жизненной необходимости — чуть ли не уже слишком было поздно — для спасения Династии, для спасения от развала Армии, для последней возможности победы над врагом — всем коленопреклонённо просить Государя отречься от Престола во имя любви к России, что и было сделано — так и тут стали подниматься вопли о том, что усмирение бунта не только не нужно, но опасно, так как уже найдено, благодаря усилиям Думы, согласие со взбунтовавшейся толпой и применение военной силы может всё провалить и возбудить ужасное никому не нужное кровопролитие.

Иными словами повторение того же самого сценария, снова сработавшего, будто во имя России, во имя мира необходимо срочно остановить движение войск на Петроград, чем окончательно была поставлена точка под возможностью избежать революции.

И тут становится известным, что за спиной Государя состоялось настоящее вопиющее безобразие: без какой либо санкции со стороны Высшей Власти было создано какое-то правительство, ответственное перед Думой (!) под председательством Родзянки, того самого "толстопузого Род-

зянко", как в тесных кругах называл его Государь, что само по себе свидетельствовало о том мнении, которое Он о нём имел.

Генералы Ружкий и Алексеев, в створе с председателем Думы через голову Государя, отозвали генерала Иванова, решив тем самым судьбу России и Монархии.

Прибывший в Царское Село, генерал Иванов ознакомился там с телеграммой Алексеева, в которой ему предлагалось «изменить тактику» в виду предполагаемого восстановления порядка и достигнутой законности и ожидаемого спокойствия в столице. На этом закончилась миссия славного генерала Иванова, закрылась последняя возможность покончить с революцией в её зачаточной стадии.

Итак, — честно ли винить Государя за преступное бездействие в эти трагические дни? Повторим ещё раз — Государь, как мог пытался действовать, принимал полезные решения, но, увы, — "кругом измена, трусость и обман" тому препятствовали. Кстати, генерал Головин по-видимому пропустил эти многозначачие слова Государя, а они-то много чему дают объяснение.

А теперь попытаемся мы подвести вывод к этому вопросу и увидим, что конечной мыслью и движущей силой всех этих "добронамеренных" советников и помощников было не столь защита Родины, как установление своих политических планов: кому была мила конституционная монархия, кому республика, кому демократия, но, как известно, очень скоро пришли большевики и всех их привели к согласию и покорили. И тут они, как в басне Крылова, спохватились, но было уже слишком поздно ...

Я с особым удовлетворением помещаю замечательную отповедь нашего сотрудника отца протоиерея Германа Иванова - Тринадцатого генералу Н. Н. Головину, камня на камне не оставляющую от его фальшивых, предвзятых построений. Читал её с таким же интересом, как когда болеешь за боксёра и видишь, что он нокаутирует противника.

Однако, читая, я припомнил, что Н. Берберова поместила Головина в список русских масонов в её книге "Люди и ложи. Русские масоны XX столетия" (Нью Йорк 1986). В этом же списке, разумеется, фигурирует и генерал М. В. Алексеев.

Вот, что писательница и журналистка пишет о Головине:

ГОЛОВИН, Николай Николаевич. Профессор военного дела. Либера. Бывший академик Ген. Штаба в Петербурге. Историк, автор книг, военный делегат Предпарламента. В 1917 г. ген. М.В. Алексеев рекомендовал А. Керенскому его вместо себя. Эвакуировался с армией Врангеля в Галлиполи. В эмиграции, в Париже, лектор, член Русской Академической Группы. Гувер.

Эти сведения проливают свет на подлинные причины негодяйского поведения генерала Н. Н. Головина по отношению к Государю Императору Николаю Второму.

Н. Казанцев

ЭТО ВОЙНА ВСЕХ РОССИЯН ИЛИ ПУТИНА?

Никакого особенного секрета политического долголетия у Путина нет. Мир полон такими режимами: все сидят, пока вперёд ногами не вынесут. Что происходит с политической системой, если нет прогресса, если успехи цивилизации не наблюдаются, если нет никакого нравственного стержня, если нет позитивного влияния веры в Бога? Власть будет концентрироваться в руках немногих неадекватных людей. Это железный закон олигархии.

Правовое государство – это не просто «давайте мы примем хорошие законы и успокоимся». Это постоянное действие моральных стержней. Если оно ослабевает, любая политическая система стремится к диктатуре и любая диктатура стремится к персоналистской диктатуре. Такой властью обладают десятки и десятки африканских, южно и восточноазиатских и латиноамериканских деспотов и диктаторов. Посмотрите на Венесуэлу, Уганду, Зимбабве...

И ещё тут действует экономический фактор, когда нет рыночной свободы. Личные качества у всех диктаторов одинаковые: угадывание окружающих в их худших проявлениях, умение окружать себя такими людьми, которые не имеют самостоятельной опоры, а опираются только на диктатора, способность концентрировать финансовые и информационные ресурсы. Такие режимы процветают в тех местах, где выковырять можно что-то из земли и продать.

То есть ресурсная диктатура – самая диктаторская, потому что легко концентрируется. Если вы извлекаете доход из мириад домохозяйств, то вам труднее их всех привести к общему знаменателю, а если у вас одна дыра в земле, то её легко огородить забором. Вы сажаете своего друга на одну шахту, другого друга – на другую, собираете то, что они там соберут, продаёте это куда-то, деньги делите между собой. Часть этих денег раздаёте самым бедным, которых вы удерживаете в бедности, чтобы они были вам благодарны. Венесуэла так живёт.

Если не хотите африканских примеров, латиноамериканских примеров более чем достаточно.

В Латинской Америке больше любят опираться на армию – это их историческая традиция. В РФ армия не является политическим субъектом, им являются спецслужбы, чекисты. И по этой схеме сидеть можно десятилетиями. В этом никакого большого фокуса нет. Не то удивляет, что долго сидят, а то, что не везде так.

Никто в положении Путина не уходит. Это редкие и удивительные исключения, когда диктатор пытается организовать трансфер своими руками. Большинство стремится умереть на посту – это в высшей степени типично. Слова Путина о том, что он хотел бы видеть Россию другой, с вечными ценностями, а также то, что он при этом поменял конституцию, сделал много вещей, которые изменили облик страны, – это инструменты для продления собственной власти, и всё. Болтать при этом можно что угодно...

Конечно, пригожинский бунт – это сильный удар – был и остаётся. И трещинки от этого удара расползаются. Собственно, законодательные и структурные изменения – это стремление как-

то зацепить расползающийся шов, чтобы он не поехал бы дальше. В этом смысле, термин "скрепы", употреблённый Путиным, отражает подсознательные опасения. Скрепа для чего нужна? Вы скрепите то, что разваливается. Вы чувствуете неуверенность, поэтому вам хочется везде поскреплять чем-то, везде воткнуть какую-то твердую штуку, которая весь этот муравейник, этот песочный холм удержит.

Поэтому после такого бунта надо было продемонстрировать какую-то выдающуюся мощь и силу. Насколько это успешно? До следующего раза.

Мы въезжаем в предвыборный период – президентские выборы в 2024 году. Снаружи кажется, что это всё неважно, потому что результат предсказуем. На самом деле, выборы при диктатуре – это значимые упражнения для системы, которая должна продемонстрировать годность, аппарат – что может организовывать такое, граждане – что по-прежнему хотя бы пассивно лояльны.

Удары по Одессе и Николаеву, все эти бомбёжки и зерновая сделка – это, с одной стороны, ответ на пригожинский вызов: «Мы не такие хрупкие, как вам казалось, мы ещё о-го-го, у нас ещё порох в пороховницах (в буквальном смысле) не отсырел». С другой стороны – это плод некоторой самоуверенности из-за того, что им кажется украинское контрнаступление неудачным. Путин говорил об этом несколько раз, что дела на фронте отлично идут... Будет ли такого больше ближе к выборам? В РФ традиция – ближе к выборам задабривать граждан: раздавать подарки, социальные выплаты, индексации пенсий и пособий, минимальных зарплат. Какие-то хлеба и зрелища надо раздавать.

С хлебом всё понятно – будут раздавать. Что касается зрелищ, с одной стороны, надо предьявить гражданам какую-то победу. С другой стороны, тем, кто планирует избирательную кампанию, известна степень утомления общественного мнения РФ от войны, стремление отодвинуться от неё, вытеснить, отрицать её. То есть энтузиазма не особо. Поэтому радовать граждан бомбёжками – не сработает.

Граждан надо порадовать тем, что мы чего-то добились и как, мол, всё хорошо. Поэтому скорее будут демонстрировать возрожденный Мариуполь, новые кварталы, благодарных жителей – что-нибудь в этом роде. Возможно, будут пытаться организовать какое-то перемирие, остановку боевых действий для того, чтобы граждане

могли выдохнуть с облегчением.

В своем телевизоре можно продать как победу вообще что угодно.

Среди тех законодательных изменений, которые Дума под конец сессии принимала, было несколько довольно характерных новых статей в Кодексе об Административных Правонарушениях. Там были большие штрафы для должностных и юридических лиц за несодействие военкоматам, за отсутствие, так сказать, энтузиазма в организации мобилизационных мероприятий. То есть это наказание за саботаж.

Из этого следует, что саботаж был и продолжается. Это значит: для самой системы видно то, что было видно и нам. Когда пошла мобилизация, говорили, что гражданские органы власти на местах, не очень рвутся отправлять своих соседей, друзей, сыновей друзей в мясорубку. Поэтому было то, что называется «итальянской забастовкой», – мягкий саботаж.

Что касается членов правительства, различные СМИ сообщают: пить стали много. Мы и так видим рост потребления алкоголя в целом по популяции. Нет причин думать, что высшее чиновничество тут какое-то исключение. У них только алкоголь подороже и доступ к нему попроще. Если что-то и удерживает страну в функциональном состоянии, то это гражданская бюрократия и, как ни странно, бизнес, который налаживает левые каналы поставок, занимается «серым» импортом, обходит санкционные схемы, – он добивается того, что граждане как бы и не замечают особенно войны. Нет европейской косметики – есть корейская, турецкая, иранская. Пестрота на полках, видимо, избобиле сохранились.

И сохранилась базовая функциональность. Транспорт ходит, вода из крана течёт, электричество есть. В общем, как бы всё есть. Поэтому гражданское чиновничество занято не столько саботажем, сколько обеспечением худо-бедно нормальной жизни и сопротивлением в широком смысле мобилизационным мероприятиям.

Война на Украине – это война Путина или всех россиян? На Западе сначала говорят, что в диктатуре граждане не имеют прав, а потом решения, принятые этой диктатуры, размазываем по всей популяции и обвиняют: «Это вы, русские, сделали». Так не бывает.

Если нельзя проголосовать, сменить начальство на выборах, открыто высказать свое мнение, повлиять на изменение законов через парламент, значит, у тебя нет гражданских и политических прав. Ты не можешь повлиять на решение о начале, на продолжение войны, и

на её длительность. Бесправие – это бесправие. Так не бывает, что в одном оно есть, а в другом нет... Не народ заказывает эту войну и сам её продолжает. Нет, это решение руководства. И решение остановить – это будет тоже их решение.

Если Путин остановит войну, народ воспримет ли это как данность, или спросит: «За что ты положил 100 тысяч российских граждан?» Опросы проводятся: «Вы поддерживаете перемирие или эскалацию, новый поход на Киев?» Большинство отвечает «да» на оба варианта: поддерживаем и то, и другое. Это не шизофрения. Это делегирование: вы начали, вы пойдёте вперед – вам виднее, вы остановитесь – вам по-прежнему виднее. Само коллективное начальство воспринимает эту войну точно так же, потому что оно не призывает граждан защищать родину, не говорит: «Братья и сёстры, вставайте». Оно говорит «Приходите, мы вам столько дадим денег, сколько вы никогда не видели».

Я плачу тому, кто для меня должен что-то сделать. Мне нужно подмести пол, сделать ремонт, с соседом повоювать. Я нанимаю человека. То есть я не призываю его во имя нашей общей гражданственности в этом деле поучаствовать. Тут всё довольно однозначно. Группа тех, кто скорее поддержит перемирие, растёт, группа тех, кто скорее поддержит эскалацию, снижается. Это два рядоположенных процесса...

И дело не в том, кто может задать вопрос: «За что ты положил 100 тысяч российских граждан?» Дело в «когда?». Сначала, если это случится, будет всеобщий вздох облегчения. Более того, наступит специфическая эйфория, и мир будет поражен тем, с какой скоростью российские граждане забудут о том, что война вообще была. Они сейчас, когда она есть, её вытесняют, а когда она остановится, это будет сметено из публичного поля. В этом будут радостно участвовать СМИ, даже если им будут говорить поминать героев, они перестанут этим заниматься.

Не станет «кровью повязанная нация» никакой общей скрепой, никакой «отечественной войны».

Это будет принудительно и стремительно забыто. Через некоторое время, когда эйфория пройдет, люди поуспокоятся, и если новой эскалации не будет, попривыкнут к тому, что «слава Богу, мы уже не воюем», а потом начнут задавать вопросы, например: «За что мы воевали?» Через некоторое время, когда гробовые деньги будут потрачены, они могут быть заданы семьями. Семьи сначала тоже будут в эйфории – и живых, и погибших, потому что деньги-то огромные. А берут из самых бедных, поэтому другая жизнь начинается у людей, в том числе и у вдов, которые покупают на эти гробовые квартиры в провинциальных русских городах.

Но это вопрос не определённой социальной группы, а вопрос времени. Чем родственны нынешняя модель власти и те ценности, которые она транслирует, с обществом и теми ценностями, которые оно в широком смысле разделяет? Ничем. У власти есть возможность транслировать свои ценности сверху вниз, навязывая их, поэтому ответственность на них. И говорить о том, что они лишь отражение народных чаяний,

"ВОЙНА ЭТО МИР"

Кто мог поверить в 2020 году в тюремный срок за слова "нет войне"? Я верил, ибо знал их подноготную с детства - подноготную кровавых красных маньяков, садистов и убийц, лишь по необходимости до поры прикидывавшихся такими же как мы человеками, людьми.

Близкие, которые были лет на двадцать меня младше, считали меня интересным человеком, но слегка чудаковатым и тронутым на тему СССР. Но я-то, в отличии от них, жил в СССР и знал о чём говорю. В СССР "боролись за мир", но "борьба за мир" советских людей означала борьбу за свободу преступников из так называемых "освободительных движений" в Азии, Африке и Латинской Америке, то есть они боролись за мир и свободу для своих побратимов, таких же как они сами чокнутых красных мясников, маньяков, палачей и убийц.

Советская "борьба за мир" означала борьбу за массовые убийства и чудовищную войну и ничего кроме этого. Абсолютно ничего. Оруэлловское "война это мир" это именно про них.

А. Григорьев

нельзя. Это несправедливо. Никакое они не отражение. Они навязывают определенный набор символов, представление о том, что хорошо, что дурно. Они мистифицируют и конструируют традицию, которой не было. Никакой народ ничего подобного не просил.

Налицо низкий уровень доверия, ощущение, что людям верить нельзя, что все кругом жулики и воры, каждый заботится только о себе и всё вообще про деньги. Так думают люди во власти, так в большинстве своем, к несчастью, думают и граждане. И это конвертируется в представление о внешнем мире: никому мы там не нужны, нам никто не желает добра, кругом враги, всё равно нападут, лучше бить первым.

Какая почва производит эти уродливые даже не цветы, а какие-то мхи и лишайники? Это почва недоверия и атомизации. Граждане общаются так внутри себя. Все хотят отгородиться, чтобы их никто не трогал. Русскому человеку внушили, что и весь мир так же устроен. Там тоже право сильного, все врут, все притворяются, на самом деле заботятся только о себе. Как сказал Путин: слабых бьют. В нормальном мире слабых не бьют, слабым помогают. Но в путинском мире слабых бьют. И эта совершенно безрадостная картина мира кажется людям убедительной, потому что, к несчастью, она подтверждается их собственным опытом. И это ужасно, потому что это лечится только другим опытом. А как ты получишь другой опыт, если ты в это веришь и это вокруг себя бесконечно опять и опять производишь?

Нищие и обездоленные россияне поддерживают Путина и голосуют за него только потому, что так выстроена эта система.

Обездоленному россиянину в его обездоленности время от времени чего-то подкидывают, ему чего-то полагается, от него не требуют каких-то больших трудовых подвигов. А самое главное, от него не требуют самостоятельно о себе заботиться. Он может в общем положиться на некоторую государственную сеть социальной поддержки, она не даст ему хорошей жизни, но с голода помереть она тоже не даст. Венесуэла живёт точно так же: вы продаете нефть, основные деньги оставляете себе, но самым бедным, которых вы удерживаете в бедности, время от времени чего-то раздаёте. Это довольно надёжная схема, разорвать её трудно. Представление о том, что люди от этой своей обездоленности будут протестовать, несправедливо.

Люди, у которых хлеба не хватает, думают не о протестах, а о том, как добыть себе этот хлеб. Государственные служащие входят в эту категорию. Это зависимые люди, административно зависимый электорат. То есть это те люди, для которых их рабочее место – гарант стабильности. И это рабочее место действительно хорошее, государство платит хорошо. А кроме зарплаты они имеют целый пакет всякого социального обеспечения. Но если их оттуда выгонят или если их начальник их невзлюбит, то вся эта замечательная жизнь ломается.

Вот и весь секрет якобы "народной поддержки" Владимира Путина.

Д. Карамышев

Чекистское прошлое и чекистское настоящее

Есть люди, которые до сих пор свято верят, что в 90-е годы у России был некий исторический шанс, упущенный потому, что Ельцин с родственниками «пустили козла в огород», то есть привели к власти подполковника КГБ Путина (хотя реальной альтернативой этому подполковнику были как раз другие чекисты). А я исхожу из уверенности, что это не Ельцин пустил в огород козла, а что это козлы на время пустили в огород самого Ельцина, чтобы под прикрытием его харизмы и нейтралитета создать ту самую «эффективную вертикаль» безумия, которая может править Россией и после окончания политической карьеры чекиста Владимира Путина.

Надежда на перемены плохо помогает трезвому анализу ситуации. Хотя уже тогда были люди, предупредившие о том, кто действительно будет править Россией. Недавно скончавшийся Сергей Григорьянц посвятил анализу сущности чекистской системы всю свою непростую жизнь. Но кто в 90-е, да и потом слушал Григорьянца! Человек, абсолютно точно увидевший и обозначивший опасность, оказался маргиналом даже в диссидентском движении – и неспроста.

В 90-е годы все мы были буквально окружены чекистами и теми, кто по своей наивности или желанию быть поближе к деньгам и власти способствовал воплощению в жизнь программы построения чекистского государства.

Когда ныне сидящий в тюрьме оппозиционер Алексей Навальный рассказывает, как олигарх Владимир Гусинский из тщеславия

пригласил на работу генерала КГБ Филиппа Бобкова, можно горько усмехнуться. Понимает ли Навальный степень интегрированности чекистов практически во все властные и предпринимательские структуры в 90-х? Осознаёт ли, что любому человеку, претендовавшему на власть и влиянию, был необходим свой Бобков – просто чтобы выжить?

Мы наблюдали куда более масштабный процесс, чем приход бывших чекистов в охранные предприятия «олигархов». Процесс, который начался еще в 20-е годы прошлого века, столетия назад, – процесс противостояния партийного и чекистского аппаратов. Советские правители то давали чекистам слишком большую власть над партийными чиновниками, то уничтожали их после волн террора – но страх партийных работников перед чекистами и ненависть и презрение чекистов по отношению к партийным работникам оставались неизменными.

Казалось бы, что после 1953 года, после расстрела Лаврентия Берии и его соратников, партийный аппарат надёжно подчинил себе КГБ, – но так только казалось.

Уже при Андропове расправились с единственной реальной силовой альтернативой – МВД во главе со всемогущим Николаем Щелоковым. А в годы перестройки удалось уничтожить и главного конкурента и хозяина Лубянки – аппарат КПСС.

Двадцать первого августа 1991 года Борис Ельцин запретил КПСС на территории РСФСР. А что произошло с КГБ? Декоративное переименование? Выделение Службы Внешней Разведки? Может

быть, «парламентский контроль»?

Никакой реальной лustrации. Никаких реформ. Как это должно было бы быть? Обратимся к опыту стран Балтии, где КГБ был запрещён и расформирован, его сотрудники лustrированы, от агентов требовалось признаться в сотрудничестве. Ну или к опыту бывшей ГДР, где для общественности открыли архивы Штази.

Каким вы вообще хотели увидеть будущее России, если после краха коммунизма вы сохранили в неприкосновенности главное орудие тоталитаризма – его террористическую тайную полицию, с тысячами агентов и миллионами доносчиков? О каком таком шансе вы сожалеете?

Не было у России изначально даже тени такого шанса, зато всегда была тень Лубянки. И эта страшная тень, разумеется, не собирается удовлетворяться Россией. Когда Путин говорит о «крупнейшей геополитической катастрофе XX века», он ведь высказывает взгляды не своих соотечественников, но в первую очередь своих сослуживцев, всегда горевших желанием «исправить ошибку 1991 года».

Тот, кто действительно хочет перемен в России – если эти перемены вообще ещё возможны, – должен проклясть её чекистское прошлое и чекистское настоящее.

И понять, что гибель Путина и гибель Лубянки – неразрывный процесс. Путин нуждается в своей чекистской своре, а чекистская свора всегда обыграет и уничтожит любого, кто наивно поверит в возможность перемен.

Н. Греков

МИР НАОБОРОТ ПОСЛЕ 1945 ГОДА

Почему так важно понимать что именно случилось в 1945-ом году с Европой и миром? Потому что, зная, например, общественно-культурную и законодательную реальность одной лишь Германии до 1945 года (а лучше - всех 11-и стран Антикоминтерновского Пакта или его союзников) можно лучше понять современный нам мир. Дело в том, что мир этот вполне закономерно является как бы зеркальным отражением того мира. "Принципы послевоенного мироустройства" это юридические способы повернуть вспять абсолютно все культурные и духовные основы традиционного европейского мира, а не только что-то малое и "плохое", что-то специфически "нацистское".

Победители сделали все наоборот. Не сразу, постепенно. За это, собственно, и шла планетарная война - будет ли так или наоборот. Детали не всегда проговаривались открыто, но всем умным людям все было ясно с самого начала.

1. При право-консервативных европейских режимах 30-х был крепкий брак? Был. Значит у нас - не будет.

2. Была ли там крепкая христианская вера? Безусловно, это был ренессанс христианства после бесчинств и погромов русских и евро-безбожников 20 -начала 30-х. Была вера. Значит у нас - не будет. Вместо опасной христианской веры будет гуманистический сиропчик.

3. Имели ли там серьёзные политические права выходцы из не

христианских народов? Нет. Значит у нас они получают не только какие-то жалкие "права", но и всю фактическую финансовую, административную и информационную власть в её совокупности.

4. В области культуры были ли у правых высочайшие стандарты? Были. Значит мы превратим наш собственный художественный мир в помойку "современного искусства". И сделаем именно его символом нашего времени.

5. Правые не любили содомитов? Не любили. Значит мы сделаем в конце-концов так, чтобы содомитам ставили памятники в крупнейших европейских городах, а молитвы на инаугурациях президентов произносили тоже содомиты.

6. Правые режимы имели традиционные сословия или стремились к их реставрации в новых условиях? Разумеется. Даже в тех странах, где не было монархий. Значит у нас их совсем не будет. Будет полное равенство университетского профессора и куртизанки. С некоторым креном в сторону прав куртизанки, особенно если она выросла в бандитской семье и придерживается "нетрадиционной ориентации".

Список можно продолжить. А теперь подумаем о тех, кому выгодно подобное мироустройство? Ну, нарисуем собирательный образ Человека Нового Мира.

Новый Человек полигамен и не любит ограничивать себя одним партнером, он хочет "попробовать"

всё дорогое человечество. Он бисексуальной "ориентации" и ненавидит гомофобов. Он лишь формально "христианин", чаще - не христианин или даже антихристианин. Он не имеет ничего против отсутствия национальной власти в своем маленьком евродомене-"государстве". Он любит "искусство помойки" и соцарт. И он не выносит людей лучше себя, обладающих здоровым вкусом и хорошими манерами, считая их "динозаврами" или дикийными и особо опасными сумасшедшими.

Разумеется, всё произошло не сразу, но поэтапно. Но, как писал Ф. М. Достоевский, "когда разрешается кровь никто не знает этого разрешения границ". Все культурно-политические тенденции и ростки нового мультикультурного, прогрессивного мира, воевавшего в WW2 в фактической всеевропейской гражданской войне с миром традиционным, были посеяны уже тогда. Изучайте политическую, религиозную, гендерную и художественную культуру 30-х годов правых европейских режимов. Только тогда вы лучше поймете наш антимир, т.е. современность.

Но может быть и иначе. Исчезающе малый шанс есть. Шанс на оздоровление есть всегда. И если оздоровление когда-нибудь случится, оно придет только на волне социальных катаклизмов или войны. Ведь война, словами Гераклита, "Отец Вещей".

А. Рейнеке